

Революционная армия

В этой статье за подписью В.Кузьмина-Караваева «Утро России» («Газета Рябушинских») рассматривает большевистские взгляды на армию и оборону государства. Анализируются высказывания, сделанные по этой теме Николаем Крыленко, членом Комитета Совнаркома по делам военным и морским, и Владимиром Лениным.

Большевистский «верховный главнокомандующий» Крыленко в своем приказе, – вернее, в воззвании к товарищам-солдатам, – объявил:

«Дело мира в опасности»... «Перед рабочими и крестьянами России стоит вопрос о защите всех завоеваний революции и о священной войне против всех своих врагов»...

Он не различает внутренних и внешних врагов «рабочих и крестьян России», равно врагов, с которыми Россия находится в состоянии войны, и которые все еще продолжают быть ее военными союзниками, и восклицает:

«Священная война против российской, немецкой, англо-французской буржуазии!...».

Признавая далее, что «старая армия, армия прежняя, неспособна к такой задаче», прапорщик Крыленко говорит, что «для этого должна быть создана новая армия вооруженного народа». Основой образования «новой армии», или, по его наименованию, «революционной народной социалистической гвардии на фронте и в тылу», должно служить начало добровольного поступления в ее ряды за плату.

Весь приказ Крыленко, правда, оставляет впечатление слишком уж крикливого и хвастливого словесного бряцания оружием. И очень уж обращение к товарищам-солдатам прозрачно говорит «революционным народным социалистическим гвардейцам», что сражаться с настоящим врагом, с врагом-неприятелем, им не придется, ибо против революционной России полки Италии и Испании, Германии и Франции, Австрии и Швеции «не пойдут». тем не менее, вопрос, вставший и перед большевистской властью, – вопрос о создании «ново» армии, – трагически стоит, во всем своем роковом величии, перед нашей несчастной родиной.

Ленин, конечно, ближе к истине, чем Крыленко. После первой же заминки в «мирных переговорах», он говорил: «Я думаю, что придется приостановить демобилизацию и готовиться к войне с Германией и ее союзниками». И из его слов ясно вытекало, что он имел тогда в виду не фантастическую войну с мировой буржуазией и в союзнчестве с полками всех европейских держав, а войну реальную, именно с этими «полками».

«Заминка» в мирных переговорах уже обратилась в совершенно ясный факт, что переговоры, как на них смотрят немцы, есть ничто иное, как «вонючая газа», т.е. форма нанесения боевого удара России не боевым способом. Кроме того, маниакальная бесшабашность правителей из Смольного, арестом румынского посланника и приказом об аресте румынского короля создала положение, при котором более, чем возможно, что пророчество Крыленко, в его не фантастической половине, оправдывается и что России в ближайшее же время придется «готовиться к войне» и с союзниками, и с нейтральными странами, до Сиама включительно...

Нет сомнения, – с каждым днем это становится очевиднее, – что дни власти маньяков сочтены и что в далеком будущем переживаемый нами момент будет трактоваться лишь как эпизод истории, созданный внезапным потемнением сознания народа. Но расплата за этот эпизод предстоит. Расплата не для большевиков-маньяков. Им – что. они интернационалисты. Они «выше» чувства родины. Требования расплаты за их бесстыдные, предательские и до нелепости наглые действия будут предъявлены России, величайшей в мире стране, складывавшейся и собиравшейся в одно целое в течение тысячи лет.

Какие это будут требования и, с какой стороны они придут, прежде всего, – в эту область догадок вдаваться не станем. Требования, во всяком случае, будут решительные и суровые. Ибо до конца рассчитывать в международных вопросах и осложнениях на то благожелательное отношение к несчастной нашей родине, которое с таким благородством выразил в своей декларации президент Соединенных штатов Америки, невозможно.

А потому, если не мириться с мыслью, что Россия бесповоротно погибла, то Крыленко прав: «перед русским народом стоит задача создать вооруженную силу для отпора». Но, конечно, вооруженную силу национальную, не классовую...

На каких основах она может быть создана? На что в данном отношении еще можно возлагать хоть слабые надежды?

Существуют две главные формы военной организации: постоянная регулярная армия и милиция. Постоянная армия, в свою очередь, может быть комплектуема двояким способом: на началах всеобщей воинской повинности и на началах добровольного поступления в войска по найму. Милиция включает в себя все способные носить оружие возрастные классы граждан.

Во всех социалистических программах неизменно стоит требование о замене постоянной армии милицией. Но это требование диктуется не интересами внешней государственной мощи, а задачами внутренней классовой борьбы, как средство вырвать вооруженную силу из рук «империалистических правительств помещиков и капиталистов».

И чрезвычайно характерно, что ни в приказе Крыленко, ни в докладах и рассуждениях других большевиков о формировании сейчас новой революционной армии и речи нет о милиции. Действительно, даже большевикам не может не быть понятно, что вооруженная толпа, при современных технических условиях ведения войны, совершенно бессильна против обученной и получившей военное воспитание армии, хотя бы последняя была в сотни раз меньшей численности.

Немыслимо в настоящую минуту думать нам и о создании новой армии на началах воинской повинности. Система воинской повинности уже использована, использована до конца. И результаты налицо.

Русская армия погибла с изумительной быстротой и легкостью. И напрасно было бы полностью приписывать честь ее уничтожения большевистским агитаторам, а равно выборным войсковым организациям, комиссарам и другим столь же неразумным мероприятиям стратегов и военных авторитетов из журналистов и адвокатов. Русская армия погибла с такой быстротой и легкостью потому, что в использовании системы воинской повинности была забыта грань, отделяющая армию от толпы.

В России народа много, – вот главное, на чем базировалась в войне старая власть. На смену выбывшего из строя одного миллиона людей призывались два. И на третий год войны под русскими знаменами насчитывалось даже больше людей, чем их было год и два года назад.

Но разве это были солдаты? Это было какое-то безрассудно собранное скопище сороколетних бородачей, типа хозяйственных мужиков и безусых юнцов, – людей не обученных, до прихода в окопы не видевших ружья и, вместо военного воспитания, проходивших в запасных частях курс внешней муштровки.

Без большой ошибки можно сказать, что ко времени Февральской революции солдаты в истинном смысле слова были только в тех родах оружия, куда не направлялось массовое комплектование, – в кавалерии и в артиллерии. И немудрено, что кавалерия и артиллерия гораздо дольше не поддавались развалу, нежели пехота.

Итак, остается один способ образования новой революционной армии в России, – тот, на котором, вопреки социалистическому символу веры, остановились и большевики: наем.

Нечего скрывать от себя, что этот способ имеет присущие ему огромные недостатки и что при нем возможно образовать численно весьма небольшую армию. Но выбора нет. До сих пор русская армия развивалась количественно, за счет качества солдат. Должна быть сделана единственно возможная ныне попытка собрать хоть небольшое войско, но высокого качества.

Англия была последним европейским государством, удерживавшим у себя систему найма. Уже после начала нынешней войны она перешла к системе повинности. России приходится поступать, наоборот. Обстоятельства так сложились, что другого исхода, повторяем, нет.

Войска Людовика XVI во Франции были войсками, набранными по найму. Войска революционные – войсками, собранными по конскрипции. Если и тут Россия явит обратный пример, то будет следовать одно: исторические трафареты не повторяются. В XVIII веке гражданин, взявший сегодня впервые в руки ружье, завтра мог сражаться, как солдат. В XX веке, чтобы стать солдатом, необходимо пройти сложную школу военного обучения и воспитания.